

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О. Тенри

*Р*АССКАЗЫ

Харьков
«Фолио»
2017

Из сборника «ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА»
(1906)

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар восемьдесят семь центов. И это все. Из них шестьдесят центов монетками по одному. Деньги были по одной-две монетки выторгованы у бакалейщика, и зеленщика, и мясника — и щеки пылали в безмолвном негодовании от такой бережливости. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Ну что еще тут оставалось, кроме как упасть на дряхленькую кушетку и разрыдаться. Так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из всхлипов, вздохов и улыбок, причем вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома постепенно проходит эти стадии, осмотрим дом. Меблированная квартира за восемь долларов в неделю. В обстановке не то что бы вопиющая нищета — но, бесспорно, там слышался ее голос.

Внизу, в передней, находился почтовый ящик, в который не пролезет ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, от которой ни одно живое существо не добьется ни звука. К этому всему прилагалась потертая табличка, гласившая: «М-р Джеймс Диллингэм Юнг».

Длина надписи — Диллингэм — словно соответствовала былому благосостоянию владельца, получавшего тридцать долларов в неделю. Теперь, когда расход сократился до двадцати, надпись будто всерьез призадумалась, не сократиться ли и ей до скромного и неприятного — Д. Но когда бы мистер Джеймс Диллингэм Юнг ни возвращался домой и ни

поднимался в свою квартиру, миссис Джеймс Диллингэм Юнг, уже известная вам как Делла, неизменно восклицала: «Джим!» и крепко обнимала его. А это, согласитесь, замечательно.

Делла выплакалась и прошлась по щекам пуховкой. Она стояла у окна и уныло взирала на унылую серую кошку, идущую по серому унылому забору на не менее унылом заднем дворе. Завтра Рождество, а у нее всего один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму. Она как могла выгадывала каждый цент на протяжении многих месяцев — и вот весь результат. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались бóльшими, чем она рассчитывала. Так всегда оказывается. И только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму. Ее Джиму! А сколько счастливых часов провела она, выдумывая что-нибудь чудесное ему в подарок. Что-нибудь чудесное, и редкое, и эффективное — что-нибудь, хоть немного достойное великой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо. Вероятно, вам доводилось видеть трюмо в восьмидолларовых квартирках. Только очень худой и проворный человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его створках, составить довольно определенное представление о своей внешности. Делла, будучи хрупкой, овладела этим искусством.

Внезапно она отпрянула от окна и подскочила к зеркалу. Ее глаза лихорадочно блестели, но лицо вмиг побледнело. Резким движением она распустила волосы.

Надо сказать, в семье Джеймс Диллингэм Юнг было два сокровища, которыми оба супруга чрезвычайно дорожили. Одним из них были золотые часы Джима, принадлежавшие еще его деду, а потом отцу. Вторым были волосы Деллы. Живи царица Савская в доме напротив, Делла специально сушила бы волосы у окна, чтобы затмить все драгоценности ее величества. Служи царь Соломон швейцаром и храни он все свои сокровища в подвале этого дома, Джим доставал бы свои часы всякий раз, проходя мимо, просто чтобы увидеть, как тот рвет свою бороду от зависти.

Итак, прекрасные распущенные волосы Деллы заструились и засверкали каштановым каскадом. Они спускались ниже ее колен и почти укутывали Деллу, словно плащ. Но тут же, нервно и порывисто, она принялась подбирать волосы. На секунду застыла, будто колеблясь, и несколько слезинок упало на потертый красный ковер.

Старый коричневый плащ на плечи; старая коричневая шляпка на голову. Шурша юбками и поблескивая невысохшими еще слезами в глазах, она устремилась вниз по лестнице, на улицу.

Табличка, у которой она остановилась, гласила: «Madame Sophronie. Различные изделия из волос». Делла стремглав взлетела на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух. Ее встретила Мадам, тучная, неестественно набеленная чопорная женщина.

— Купите мои волосы? — выпалила Делла.

— Я покупаю волосы, — отвечала Мадам. — Снимайте шляпу, посмотрим на ваши волосы.

Каштановый каскад заструился по плечам.

— Двадцать долларов, — констатировала Мадам, привычно взвешивая в руке густую массу.

— Давайте мне их скорее сюда! — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели для Деллы на розовых крыльях. И это не просто метафора. Она прочесывала магазины в поисках подарка для Джима.

Наконец она его нашла. Бесспорно, это было предназначено для Джима и никого иного. Ничего подобного не находилось ни в одном магазине, а уж она-то перевернула их все вверх дном. Это была платиновая цепочка для часов, простая и элегантная, ценная своей простотой, а не нарочитым блеском — как и все истинно ценные вещи. Она была достойна часов Джима. Едва Делла увидела ее, как поняла, что эта вещь должна принадлежать Джиму. Они были схожи. Скромное достоинство — вот что отличало обоих. Двадцать один доллар стоила Делле эта цепочка, и она спешила домой с восьмидесятью семью центами в кармане. С такой цепочкой на часах Джим сможет запросто поинтересоваться вре-

менем в любом обществе. Ведь, имея часы, он порой поглядывал на них тайком из-за потертого кожаного ремешка, заменявшего ему цепочку.

Однако по возвращении домой взбудораженность Деллы сменилась некоторой осмотрительностью и задумчивостью. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась поправлять урон, нанесенный порывом щедрости вкупе с любовью. Что всегда тяжелейший труд, друзья, — колоссальный труд.

Через сорок минут ее голова покрылась крохотными мелкими кудряшками, которые придали ей вид нерадивого школьника. Она долго и придирчиво осматривала свое отражение.

— Что ж, если Джим не убьет меня сразу, — сказала она себе, — а рассмотрит меня хотя бы секунду, то признает, что я похожа на хористку с Кони-Айленд. Но что, что я могла сделать, если у меня был только один доллар и восемьдесят семь центов?

В семь вечера кофе был сварен, а сковорода на плите ожидала приготовления отбивных.

Джим никогда не опаздывал. Делла зажала цепочку в руке и примостилась на краю стола, прямо возле входной двери. Вскоре она услышала его шаги по лестнице на первом этаже и резко побледнела. У Деллы была привычка тихонько молиться о повседневных пустяках, и теперь она шептала: «Боже, пожалуйста, пусть я ему не разонравлюсь!»

Дверь открылась, вошел Джим и закрыл ее за собой. Он выглядел измученным и очень серьезным. Бедняга, ему всего двадцать два — а он уже обременен семьей. Ему давно нужно новое пальто, и перчаток у него нет...

Джим застыл у двери, словно сеттер, учуявший перепела. Его взгляд замер на Делле, в глазах застыло непонятное ей выражение, и это ее пугало. В них не было ни злости, ни ошеломления, ни осуждения, ни страха, ни одного из тех чувств, что она ожидала. Он просто уставился на нее со странным выражением на лице.

Делла отпрянула от стола и кинулась к нему.

СОДЕРЖАНИЕ

Из сборника «ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА» (1906)

Перевод Т. Ивановой

Дары волхвов	3
В антракте	9
Из любви к искусству	15
Неоконченный рассказ	22

Из сборника «ГОРЯЩИЙ СВЕТИЛЬНИК» (1907)

Перевод Т. Ивановой

Горящий светильник	30
Пурпурное платье	43
Последний лист	50

Из сборника «СЕРДЦЕ ЗАПАДА» (1907)

Перевод Т. Ивановой

Выкуп	58
Справочник Гименя	64
Пиментские блинчики	77
По первому требованию	88
Принцесса и пума	95
Бабье лето Джонсона Сухого Лога	102

Из сборника «ГОЛОС БОЛЬШОГО ГОРОДА» (1908)

Перевод Т. Ивановой

Один час полной жизни	112
Грошовый поклонник	118
Персики	126
Пока ждет автомобиль	132
Комедия любопытства	138
Квадратура круга	143
«Великий утешитель». Т. В. Надозирная	150